

В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская

**РОССИЯ
И НОВАЯ МИРОВАЯ ЭПОХА
В ПОСЛЕДНЕМ ЭССЕ
Н. А. БЕРДЯЕВА**

Статья посвящена завершающему этапу бердяевского наследия. Мыслитель осуществляет диагностику глобальной мировой ситуации, нисколько не утратившей своей силы 75 лет спустя. За полвека до Мамлеева Бердяев говорит о «России вечной» и, предвосхищая Тойнби, указывает на «морфологическое» сходство «Московского Царства» с «Царством Советским». «Русская идея» понимается им как «идея целостного преображения жизни», а «трагедия русской революции» обнаруживается в «её первоначальном антихристианском характере». Катастрофизм эпохи имеет своеобразную смысловую оркестровку предваряющими научными революциями в новом естествознании: от физики — до психоанализа. «Трагическая тема» творческой свободы человека, от которой зависит «будущее России», будет только заостряться по мере раскрытия того факта, что «либерализм кончен». В России, согласно Бердяеву, «подготавливается новое христианское сознание», а «обветшавшие и выродившиеся формы христианства будут преодолены». Попытки неохристианского реформизма на исходе Нового времени имеют двоякий характер между ноосферным и эсхатологическим дискурсами, и слово Бердяева — однозначно за последним. Но оставаясь последовательным катастрофистом и апокалиптиком, он последовательно развивает социальную тематику, парадоксально соединяя таким образом эсхатологический реализм и жизнестроительный миф. Бердяев, пребывая в парадигме Модерна, уповаёт на сохраняющиеся

сквозь исторические катастрофы культурно-цивилизационные возможности самобытного российского мира.

Ключевые слова: *опыт катастрофы, советское наследие, перспективы, эсхатология, будущее России*

Okeanskiy V. P., Okeanskaya Zh. L.

**RUSSIA
AND THE NEW WORLD ERA
IN THE LAST ESSAY
BY N.A. BERDYAEV**

The article is devoted to the final stage of Berdyaev's legacy. The thinker performs diagnostics of the global world situation, which has not lost its power 75 years later. Half a century before Mamleev, Berdyaev speaks of "Eternal Russia", and, anticipating Toynbee, points out the "morphological" similarity of the "Moscow Kingdom" with the "Soviet Kingdom". "Russian idea" is understood by him as "the idea of a holistic transformation of life," and the "tragedy of the Russian revolution" is found in "its original anti-Christian character." The catastrophism of the epoch has a peculiar semantic orchestration by the preceding scientific revolutions in the new natural science: from physics to psychoanalysis. The "tragic theme" of human creative freedom, on which the "future of Russia" depends, will only sharpen as the fact that "liberalism is over" is revealed. In Russia, according to Berdyaev, "a new Christian consciousness is being prepared," and "the dilapidated and degenerate forms of Christianity will be overcome." The attempts of neo-Christian reformism at the end of Modern times have a twofold character between the noospheric and eschatological discourses, and Berdyaev's word is definitely for the latter. But remaining a consistent catastrophist and apocalyptic, he consistently develops social themes, paradoxically combining eschatological realism and life-building myth. Berdyaev, staying in the paradigm of Modernity, hopes for the cultural and civilizational

possibilities of the original Russian world that persist through historical catastrophes.

Keywords: the experience of the catastrophe, the Soviet legacy, prospects, eschatology, the future of Russia

Наступило ли теоцентрированное Новое Средневекование, приход которого предвосхищался Бердяевым столетие назад? — с углублённым погружением в проблематику этого вопроса связано не только позднее развитие его мысли, но и наша нынешняя обращённость к бердяевскому наследию, как и высочайшая оценка его непреходящего значения.

Сквозь подчёркнутый в историософском и космологическом измерениях радикальный эсхатологизм всего наследия Бердяева, нашедший выражение и в сочинениях, написанных по итогам отечественной революционной катастрофы [2; 3; 4], всегда просматриваются и в полной мере жизнеутверждающие настроения: чаяния реального российского будущего у мыслителя обретают конкретные смысловые очертания. Крупные россиеvedческие труды: «Судьба России», «Новое Средневекование», «Истоки и смысл русского коммунизма», «Русская идея» — на протяжении трёх десятков послереволюционных лет предваряют и подготавливают итоговые бердяевские мысли, на которых мы и остановимся ниже.

Россия и новая мировая эпоха в последнем эссе Николая Александровича предстают как единая сфера его доминирующего внимания — одноимённое эссе завершает предсмертный сборник «На пороге новой эпохи» (Париж, 1947), выпущенный на французском, а впоследствии переводимый на шведский, английский, японский, русский языки. Поразительной оказывается диагностика глобальной ситуации, нисколько не утратившей своей силы 75 лет спустя: «Россия и мир Запада, Европа и Америка, боятся друг друга и враждуют. Запад одержим двойной боязнью, боязнью коммунизма и боязнью могущества русской империи» [1, с. 310].

Последнее бердяевское сближение реальных западных фобий воспринималось в эмигрантской среде не только не однозначно, но и весьма болезненно. Приведём, к примеру, цитату из послевоенной статьи И. А. Ильина «Как русские люди превращаются в советских патриотов?», где критически указывается на определённый тип в отечественной эмиграции (по отношению к Бердяеву, на наш взгляд, это — совершенно несправедливо и весьма поверхностно): «...нередко остаётся в эмиграции, начинает советскую пропаганду, лжёт иностранцам по советской указке, лжёт и по-русски, нарочно смешивает Россию с Советским Союзом, путает все понятия, выдаёт зло за добро и добро за зло, отправляет других на погибель и становится слугой дьявола. Такова была предательская роль Бердяева, который, впрочем, совсем не был одинок» [5, с. 56].

В наши дни в низкопробных СМИ педалируется вопрос о мнимых симпатиях к фашизму со стороны Ивана Ильина, причём часто безо всякого учёта хронологии тех или иных высказываний мыслителя и их явной критической эволюции, — но интересной фактурой остаются и характерные замечания Бердяева на страницах «Нового Средневековья», что «фашизм» ныне является «единственным творческим явлением в политической жизни современной Европы», где «всё движение мысли ищет философии жизни и жизненной философии, хочет перейти к предметности», а «в философском мышлении тоже обнаруживается своего рода фашизм» [2, с. 419]. Это писалось в первой половине 20-х годов XX века, когда оставался ещё десяток лет до прихода Гитлера к власти в Германии, и относилось всё-таки в большей степени к движению консервативного традиционализма в романских странах, преимущественно — Франции, Италии и Румынии, к которому имели самое прямое отношение такие, например, замечательные личности в кругу западных мыслящих учёных, как Р. Генон, Ю. Эволя и М. Элиаде. Непримиримая критика белого консерватора И. А. Ильина в адрес

мистического анархиста Бердяева устойчива и вполне понятна, однако по прошествии почти целого столетия нам открывается очень многое близкого в их самых существенных оценках и метафизических основаниях.

Дело не только в известном послевоенном тяготении Бердяева к призрачным духовным возможностям позднего сталинизма (связанным, например, с восстановлением русского патриаршества в годы победоносной войны с фашизмом) и его аксиологическом неприятии не менее проницательным в оценке перспектив развития СССР И. А. Ильиным — проблема, пожалуй, в более глубоко заложенной самой западной неспособности воспринимать саму идею потенциального исторического будущего России, как и в сопутствующем этой неспособности желании будущего без неё.

Больше того, ныне возникает двоякое ощущение: то ли мы снова вернулись во время подведения итогов Второй мировой войны, — то ли это глобальное резюме оказалось отсроченным, и впавшее в полувековой «ноосферный» сон страждущее человечество медленно пробуждается, погружаясь в «мглистую глубину третьего тысячелетия», с кризисологическими мыслями о Шпенглере и Шелере, Ясперсе и Хайдеггером, Геноне и отце Сергии Булгакове, даже Толстом и Достоевском, Ницше и Хомякове, Гёте и Шопенгауэр... Их имена — и здесь, и ранее — находят (явно или скрыто) символическое место как раз в бердяевской проблемно-аксиологической группе.

За полвека до футурологического россиеведения Ю. В. Мамлеева [6] Бердяев говорит о «России вечной», и, предвосхищая Тойнби, указывает на «морфологическое сходство» (впрочем, начиная уже с работы «Истоки и смысл русского коммунизма») «Московского Царства» с «Царством Советским». «Русская идея, — по Бердяеву, подчёркнуто следующим здесь за Н. Ф. Фёдоровым, — есть идея целостного преображения жизни» [1, с. 313–314], а «трагедия русской революции» обнаруживается в «её первоначальном антихристианском

характере» [1, с. 316]. Катастрофизм эпохи имеет своеобразную смысловую оркестровку предваряющими итогами научных революций в новом естествознании: от атомной физики — до психоанализа.

«Трагическая тема» творческой свободы человека, от которой зависит «будущее России», будет только заостряться по мере раскрытия того факта, что «либерализм кончен» [1, с. 324]. В России, согласно Бердяеву, «подготавляется новое христианское сознание», а «обветшавшие и выродившиеся формы христианства будут преодолены» [1, с. 326].

Ценность последней бердяевской мысли здесь, по нашему убеждению, совершенно не риторична и требует определённой герменевтики. Дело в том, что попытки реформирования христианской эпистемы на исходе времени, названного в истории культуры Новым, имеют двоякий характер: эволюционистско-прогрессистская неомифология с апофеозом ноосферы (по сути это и нынешняя трансгуманистическая трансгрессия самого западного гуманизма, именуемого Бердяевым «ересью гуманизма, созданной новой историей» [2, с. 413]) — либо же углубление эсхатологической перспективы с мистическим раскрытием кардиобездны и отходом от торжествующей рациональности (что и стало бы возрождённым теологическим вектором Нового Средневековья)?

Нам представляется, что слово Бердяева — однозначно за последним. Как в прежних своих работах, так и здесь — в этих финалистических росчерках пера — он остаётся последовательным катастрофистом и апокалиптиком, что, однако, николько не мешает ему педалировать социальную тематику и чаять будущего России, в позитивно осмысленной исторической судьбе которой останется и опыт пережитой духовной катастрофы на исходе Нового времени, от светового давления которого человечество постепенно удаляется, как бы снова погружаясь в таинственный звёздный ноктюрн и глубины времён неизведанных...

В контексте своего программного футурологического российеведения Бердяев говорит об этом так: «Можно себе представить необычайный рост экономической и политической мощи России и возникновение нового типа цивилизации американского типа, с преобладанием техники и с поглощённостью земными благами, которого не было в прошлом русского народа. Но воля наша должна быть направлена на созидание иного будущего, в котором будет разрешена справедливо социальная проблема, но и обнаружит себя религиозное призвание русского народа и русский народ останется верен своей духовной природе. Будущее зависит от нашей воли, от наших духовных усилий. То же нужно сказать и о будущем всего мира. Роль христианства тут не может не быть огромной» [1, с. 326].

Мы полагаем, что изучение позднего Бердяева даёт вполне адекватный ключ к пониманию логики и аксиологии всего его творчества; но здесь мыслителем не просто подводятся итоги самопознания и высыптаются основные вехи его драматичного пути сквозь крушения жизненных миров — но и сказывается нечто наиболее существенное о положении и сути вещей, как и о нынешнем времени в свете предвосхищающего опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н. А. На пороге новой эпохи* // Бердяев Н. А. Истина и Откровение: Пролегомены к критике Откровения. СПб.: РХГИ, 1996.
2. *Бердяев Н. А. Новое Средневековье: Размыщение о судьбе России и Европы* // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 406–485.
3. *Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922*. М.: Астрель, 2007.
4. *Бердяев Н. А. Судьба России: Соч.* М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2004.

5. Ильин И. А. Наши задачи: Статьи 1948–1954 гг. // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. 1.
6. Мамлеев Ю. В. Россия вечная. М.: Издательская группа Традиция, 2020.